

В. А. Каменева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8146-9721

Л. И. Федянина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: —

E-mail: russia_science@mail.ru; fedianina@inbox.ru.

Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В. В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход)

АННОТАЦИЯ. В статье уделяется внимание гендерной обусловленности профессионального дискурса политиков с позиции лингвоперсонологии. На материале выступлений В. В. Путина и А. Меркель рассматривается вопрос о взаимосвязи гендера и специфики эвфемизации профессионального дискурса политических деятелей. Установлено, что в своих выступлениях, ориентированных на массового адресата, В. В. Путин и А. Меркель дифференцированно используют эвфемизмы для решения профессиональных коммуникативных задач. Установлены и соотнесены общественно значимые сферы эвфемизации дискурса В. В. Путина (дипломатическая сфера; государственные и военные тайны; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; работа парламентариев и представителей органов власти; экологическая ситуация в стране; оплата труда граждан; обеспечение условий и формирование комфортной среды проживания граждан) и А. Меркель (дипломатическая сфера; работа парламентариев и представителей органов власти; экономическая ситуация в стране; экономическая ситуация в Евросоюзе и мире; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; терроризм; ядерные разработки в Северной Корее и Иране и разработки химического оружия в Сирии; вооруженные конфликты прошлых лет; оплата труда). Выявлены расхождения в тематике эвфемизации политического дискурса и количестве ключевых социополитических тем эвфемизации профессионального дискурса мужчины-политика и женщины-политика, за счет чего дискурс А. Меркель более эвфемистичен. В работе доказано, что эвфемизмы в дискурсе женщины-политика актуализируют большее количество функций, чем средства эвфемизации в политическом дискурсе мужчины. В работе доказано, что спектр эвфемизмов в дискурсе женщины-политика шире, чем спектр средств эвфемизации в профессиональном дискурсе представителя противоположного пола.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендер; политический дискурс; женщины-политики; российские президенты; политические деятели; эвфемизмы; функции эвфемизмов; лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: russia_science@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Федянина Любовь Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: fedianina@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каменева, В. А. Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В. В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход) / В. А. Каменева, Л. И. Федянина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 64-72. — DOI 10.26170/pl19-06-08.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Гендерные исследования на материале политического дискурса на протяжении многих десятилетий находятся в фокусе внимания лингвистов. Во-первых, в рамках гендерных исследований политического дискурса изучаются вопросы формирования гендерной идентичности политика в профессиональном дискурсе [Будаев 2006; Буцык 2015; Диасамидзе 2009; Рябова 2003]. В работах данной направленности раскрываются уровни манифестации гендерной идентичности в политическом дискурсе. Во-вторых,

множество работ затрагивает вопросы формирования гендерных стереотипов в политическом дискурсе. Стереотипы рассматриваются как средства воздействия на адресатов политического дискурса [Каменева 2009; Семенец, Ройба 2019]. В-третьих, ряд работ посвящен изучению дискурсивных стратегий женщин-политиков и мужчин-политиков в различных жанрах политического дискурса [Куралева, Кондрашова 2018; Цыбина 2019]; в политическом блоге [Диасамидзе 2010], в предвыборных выступлениях [Куницына 2011],

в интервью [Дудецкая 2009], в дебатах [Карандеева, Кодюшева 2016]. Исследование дискурсивных стратегий, обусловленных гендером, чаще всего осуществляется с позиции коллективной, а не индивидуальной лингвоперсоны политического дискурса. Как представляется, с лингвоперсонологических позиций можно получить более точные данные, позволяющие выявить, подгоняется ли профессиональный дискурс авторитетных женщин-политиков под маскулинный тип или нет. Все вышесказанное обуславливает актуальность предпринятого исследования. В данной работе основной акцент делается на выявление особенностей эвфемизации профессионального дискурса женщины-политика и мужчины-политика. Вопросы эвфемизации политического дискурса не раз попадали в центр научного внимания ученых. При этом обзор научных работ показал, что в основном исследование эвфемизации политического дискурса идет в комплексе с другими стратегиями. Не обнаружены работы, которые бы рассматривали исключительно вопросы эвфемизации профессионального дискурса политиков во взаимосвязи с их гендером. Как правило, эвфемизация обобщенно рассматривается в ряду других стратегий политика для решения определенных профессиональных задач [Чудинов 2012; Арустамян 2016; Беседина, Буркова, Мичурин 2019; Иванова, Корчевская 2011; Куралева, Кондрашова 2018; Цыбина 2019]. В данной работе ставится ряд задач по выявлению особенностей эвфемизации профессионального дискурса политиков: выявление сферы эвфемизации политического дискурса В. В. Путина и А. Меркель; установление всего спектра лингвокогнитивных средств эвфемизации обоих политиков; сопоставление полученных данных. Это позволит подтвердить или опровергнуть распространённое утверждение о том, что даже признанные и успешные женщины-политики адаптируют маскулинное коммуникативное поведение (характеризующееся эмоциональной нейтральностью или дисфемизацией), чтобы поддержать имидж успешного деятеля в политике — традиционно мужской сфере деятельности. Ведь, как известно, эвфемизация считается одной из фемининных черт [Lakoff 2004: 83].

Материалом исследования послужили выступления В. В. Путина за 2018 год (<http://kremlin.ru>) и А. Меркель того же периода (<https://www.bundeskanzlerin.de>). Выбор данных политиков обусловлен тем, что оба представляют собой ключевых игроков мировой политической арены, оба носители европейских культурных установок, занима-

ют избираемую политическую должность. По антропоцентрическим параметрам оба политика представители европеоидной расы, близки по возрасту, но принадлежат к разным гендерным группам.

В качестве основных методов исследования, помимо общенаучных, использовались контент-анализ, интент-анализ, лингвостилистический анализ текстов.

Исследование особенностей эвфемизации политического дискурса на примере Президента Российской Федерации и Федерального канцлера Германии позволило установить следующее. Основные социополитические сферы эвфемизации профессионального дискурса В. В. Путина: дипломатическая сфера; государственные и военные тайны; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; работа парламентариев и представителей органов власти; экологическая ситуация в стране; оплата труда граждан; обеспечение условий и формирование комфортной среды проживания граждан.

К социополитическим сферам эвфемизации профессионального дискурса Федерального канцлера Германии были отнесены: дипломатическая сфера; работа парламентариев и представителей органов власти; экономическая ситуация в стране; экономическая ситуация в Евросоюзе и мире; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; терроризм; ядерные разработки в Северной Корее и Иране и разработки химического оружия в Сирии; вооруженные конфликты прошлых лет; оплата труда.

Таким образом, общее количество эвфемизируемых социополитических тем у обоих политиков не совпадает, кроме того, выявлены некоторые тематические отличия. Оба политика используют эвфемизмы, говоря о своих намерениях на политической мировой арене. Это позволяет не раскрывать свои истинные цели, не давать открытую оценку определенным политическим явлениям и действиям, уходя от прямой конфронтации. Использование эвфемизмов для оценки работы парламентариев и представителей органов власти своих стран позволяет В. В. Путину и А. Меркель в негрубой и нерезкой форме напоминать о том, что их решения должны быть продуманными и тщательно взвешенными, должны согласовываться с действующим законодательством и учитывать мнение граждан.

Подробный анализ целей эвфемизации Президентом Российской Федерации и канцлером Германии в профессиональном дискурсе позволил выявить следующее.

Прибегая к эвфемизации политического дискурса, В. В. Путин уходит от прямого противостояния с политиками других стран; демонстрирует настрой на мирное урегулирование противоречий на внешнеполитической арене; вуалирует свои цели на мировой политической арене; камуфлирует информацию, относящуюся к государственным и военным тайнам; способствует снижению социальной напряженности между гражданами различных национальностей, конфессий, социальных групп; дает оценку работе парламентариев и работников органов власти, не критикуя явно, но демонстрируя, что вопросы, связанные с дискуссионными проблемами, надо решать с учетом мнения граждан.

А. Меркель, используя эвфемизмы, уходит от ответственности, когда речь заходит о взаимосвязи политических событий в Сирии и обстановки с беженцами в Европе и Германии; уходит от прямого противостояния с политиками других стран; вуалирует свои цели на мировой политической арене; избегает прямых оценок действий разных организаций и стран, приведших к различным политическим конфликтам и военным столкновениям в прошлом; камуфлирует информацию, относящуюся к экономике страны; вуалирует свои цели в вопросах мировой экономики; не раскрывает своих целей, относящихся к экономике Евросоюза; способствует снижению социальной напряженности между гражданами различных социальных групп; дает завуалированную оценку работе парламентариев и работников органов власти.

Как следует из представленных данных, спектр функций эвфемизмов шире у канцлера Германии, так же как и круг социально-политических тем, обсуждаемых ею в эвфемистичном ключе.

Как известно, к средствам эвфемизации относятся слова с семантической неопределенностью; номинация конкретных предметов и понятий словами с общим смыслом; иноязычные слова; аббревиатуры; слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства; метафоры; метонимии; сравнения; аллюзии; фразеологизмы; звуковая аналогия; редупликация; поляризация значений; негативная префиксация.

Анализ лингвокогнитивных средств эвфемизации дискурса Президента России показал следующее. В своих обращениях Президент Российской Федерации часто прибегает к метафоризации дискурса. Приведем несколько примеров. 1. *Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту **технологическую волну**, вырвется далеко вперёд.*

Тех, кто не сможет этого сделать, она — эта волна — просто захлестнёт, утопит (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). 2. *Отставание неизбежно ведёт к ослаблению, **размыванию человеческого потенциала**. Потому что новые рабочие места, современные компании, привлекательные жизненные перспективы будут создаваться в других, успешных странах, куда будут уезжать молодые, образованные, талантливые люди, а вместе с ними общество будет терять жизнеспособность и энергию развития* (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Следует отметить разнообразие сфер метафорической экспансии в политическом дискурсе В. В. Путина.

В профессиональном дискурсе Президента России были зафиксированы иноязычные заимствования. Особенно часто В. В. Путин использует лексику «вызов». Отечественными исследователями подтверждено, что «современное значение слова „вызов“ представляет собой семантическую кальку с английской лексики „challenge“, которая не имеет полного аналога в русском языке и благодаря которой слово русского языка „вызов“ расширило свое значение» [Богданова 2015; Левонтина 2010]. Так, по мнению И. Б. Левонтиной, слово «вызов» в его «заимствованном значении» обозначает ситуацию, когда «человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя» [Богданова 2015; Левонтина 2010].

Приведем примеры из профессионального дискурса В. В. Путина. *Мы также прошли через масштабные, непростые преобразования, **справились с абсолютно новыми и очень сложными экономическими, социальными вызовами*** (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). *Кто бы ни был избран Президентом, каждый гражданин России, все мы вместе должны прочувствовать и понять, что происходит в мире, вокруг нас и какие **вызовы стоят перед нами*** (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Как видно из приведенных примеров, все словосочетания с лексемой «вызов» передают смысл «сложная, трудновыполнимая задача». В русском языке лексемы «сложный» и «трудновыполнимый» имеют негативные ассоциации, связываются с усилиями, затруднениями, барьерами, на преодоление которых необходимо тратить много сил и времени. Используя лексику «вызов», политик нейтрализует отрицательные коннотации, смещая акценты. Получатель информации понимает, что речь идет о задаче, которую надо решить.

Дискурс В. В. Путина насыщен словами с семантической неопределенностью. Как показал анализ, данное средство эвфемизации часто используется политиком во время обсуждения социальных вопросов и вопросов, связанных с экологией страны. Даже **некоторые** работающие люди живут очень скромно (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). ...а жители крупных индустриальных центров из-за смога неделями не видят солнца, как в Череповце, Нижнем Тагиле, Челябинске, Новокузнецке и **некоторых** других городах (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Как известно, слово «некоторый» имеет несколько значений: «точно не определяемый», «незначительный», «небольшой». Обращение к данной лексеме при обсуждении злободневных вопросов позволяет сгладить негативный эффект и не афишировать масштаб проблем.

Поляризация значений слов — одно из продуктивных средств эвфемизации дискурса Президента Российской Федерации. Чаще всего при обсуждении конфликта интересов между Россией, США и Евросоюзом политик использует слово «партнеры» вместо «враги», «конкуренты» или «оппоненты». *Еще раз повторю, что мы неоднократно говорили нашим американским и европейским партнерам — членам НАТО о том, что будем предпринимать необходимые меры для нейтрализации угроз, которые возникают для нас в связи с развертыванием глобальной ПРО США* (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). В данных примерах поляризация значений слов дает возможность политическому деятелю показать, что Россия настроена на конструктивный диалог с США и всеми европейскими странами, входящими в НАТО, несмотря на существующие разногласия, продемонстрировать готовность к поиску компромиссов с указанными странами, но на паритетных началах.

Президент России при обращении к социальным сферам, относящимся к производству оружия, определенных видов техники, деятельности армии и разведки, часто прибегает к генерализации значений в эвфемистических целях. Политик использует лексемы, которые обладают более широким значением, практически не употребляя точных наименований. Например, «крылатый блок», «система», «новейший технический комплекс», «изделие». *В силу понятных причин мы не можем сегодня показать истинный облик, истинный внешний вид этого изделия* (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Подобная обобщенная номинация позволяет обсуждать вопросы обороноспособности страны, не раскрывая военных тайн.

Такой же эффект достигается, если вместо лексем, которые описывают участие армии страны в разрешении военных конфликтов за рубежом, используются слова «операция» или «действия». Подобная генерализация значения позволяет Президенту завуалированно сообщить гражданам Российской Федерации и российским коллегам нужную информацию и избежать негативной реакции со стороны сторонних слушателей, которая бы последовала в случае с прямой номинацией.

Согласно проведенному анализу, в профессиональном дискурсе В. В. Путина установлены единичные случаи употребления аллюзий, аббревиатур и метонимии в эвфемистических целях. В дискурсе политика не зафиксировано использование следующих средств эвфемизации: сравнения, негативной префиксации, звуковой аналогии, редупликации, слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства.

Для А. Меркель метафора — одно из частых средств эвфемизации политического дискурса. Политик ловко манипулирует сознанием адресатов, скрывая проблемные ситуации, возникающие внутри страны, в Европе, а также во всем мире. Чаще всего А. Меркель использует строительную метафорику, благодаря которой создается впечатление хорошо продуманных, «фундаментальных» решений, предпринимаемых лично ею и Германией в целом в сложной экономической и политической ситуации на Европейском континенте. *Europa ist ja ein interessanter Kontinent oder ein interessantes Gebilde. Wir haben uns eine einheitliche Währung gegeben, haben uns aber nie Gedanken darüber gemacht, was denn passiert, wenn diese Währung einmal in eine Krise gerät. Jetzt arbeiten wir nach und schaffen im Grunde das Fundament, auf dem wir das hätten aufbauen müssen* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 24.01.2018). *Ich habe meine Position deutlich gemacht, dass ich glaube, dass dieses Abkommen alles andere als perfekt ist, um alle Probleme mit dem Iran zu lösen, aber dass es ein Baustein ist, auf den man aufbauen kann* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 27.04.2018).

А. Меркель прибегает к архитектурной метафорике, говоря о военных действиях, происходящих в непосредственной близости от границ страны на территории сопряженных с Германией государств. Так, например, канцлер метафорически именуется границы Германии дверями дома, перед которыми разворачиваются глобальные конфликты: *Wenn Sie sich die Umgebung Europas anschauen, dann wissen Sie, dass vor unserer Haustür ein Großteil der globalen Konflik-*

te stattfindet (<https://www.bundeskanzlerin.de/24.01.2018>).

Рассуждая о борьбе с экономической нестабильностью и экономическим кризисом, А. Меркель часто использует военную метафору. Это позволяет показать решительный, воинственный настрой политика на борьбу с экономическими проблемами: *Wir müssen uns überlegen, wie wir uns auf zukünftige Krisen, die von außen auf uns einstürzen, so wappnen, dass nicht auf der einen Seite das Risiko einfach vergemeinschaftet wird und die Haftung bei allen liegt* (<https://www.bundeskanzlerin.de/24.01.2018>).

В выступлениях Федерального канцлера Германии было зафиксировано частое употребление театральной метафоры. Как правило, А. Меркель использовала театральную метафору, вуалируя участие страны в международных вооруженных конфликтах: *Wir haben uns damals mit daran beteiligt, dass die syrischen Chemiewaffen vernichtet wurden, und haben dabei eine sehr aktive Rolle gespielt, müssen jetzt aber erkennen, dass die Vernichtung dieser Waffen ganz offensichtlich nicht vollständig erfolgt ist* (<https://www.bundeskanzlerin.de/12.04.2018>).

В дискурсе А. Меркель зафиксирована медицинская метафорика. Это позволяет политику показать себя профессионалом, который может реанимировать ныне не дееспособные форматы политического общения, устранить то, что угрожает здоровой политической ситуации в мире. *Wir haben über die Wiederbelebung des Formats des Weimarer Dreiecks gesprochen, worüber wir uns dann natürlich auch noch mit dem französischen Präsidenten austauschen werden* (<https://www.bundeskanzlerin.de/16.02.2018>).

Вторым средством эвфемизации дискурса А. Меркель можно считать фразеологизмы разных видов. Когда двусторонние политические переговоры по урегулированию конфликтных ситуаций, длившиеся долгие месяцы, в конце концов завершаются подписанием договоренностей, о которых собеседники не хотели бы информировать третьи лица, предпочтение в речах А. Меркель отдается паремиям, идиоматическим выражениям и т. д. Приведем несколько примеров: *Ich weiß, dass alle lange warten mussten, bis wir endlich fertig geworden sind. In Deutschland sagt man manchmal: Was lange währt, wird endlich gut* (<https://www.bundeskanzlerin.de/16.03.2018>); *Wir werden das also alles auf den Tisch legen, aber wir nehmen die Worte der ostdeutschen Ministerpräsidenten sehr ernst* (<https://www.bundeskanzlerin.de/18.04.2018>); *Amerika hilft uns heute immer noch, aber Schritt für Schritt werden wir unse-*

ren Beitrag auch leisten müssen (<https://www.bundeskanzlerin.de/27.04.2018>).

Канцлер Германии часто прибегает к использованию аллюзий в эвфемистических целях, анализируя события, произошедшие после Второй мировой войны. А. Меркель, апеллируя к событию, вошедшему в историю под названием «der Kalte Krieg», вместо двух противостоящих друг другу на мировой политической арене организаций — стран Варшавского договора и НАТО — употребляет эвфемистическое словосочетание «zwei Blöcke», например: *Wir haben vor gut einem Vierteljahrhundert das Ende des Kalten Krieges und der Aufteilung der Welt in zwei Blöcke erlebt und damit zum ersten Mal die Chance, dass sich Multilateralismus und Kooperation wirklich entwickeln können* (<https://www.bundeskanzlerin.de/24.01.2018>).

В эвфемистических целях использует А. Меркель и слова с семантической неопределенностью. Не фокусируя свое внимание на тех конкретных результатах, которые были достигнуты в отведенное для принятия решения время, Федеральный канцлер Германии чаще всего дает неопределенный, общий ответ с ключевыми словосочетаниями неопределенной семантики: *alles getan, im Wesentlichen, im Großen und Ganzen, sehr viel*. Приведем несколько примеров: *Wir haben trotzdem in der Zwischenzeit immer alles getan, um handlungsfähig zu sein* (<https://www.bundeskanzlerin.de/16.04.2018>); *Deshalb mussten wir in unserem Gespräch auch nicht sehr viel Zeit mit unseren bilateralen Beziehungen verbringen, sondern haben uns im Wesentlichen mit der Vorbereitung des Europäischen Rates übermorgen und Freitag beschäftigt, und hier natürlich mit dem Thema, das Irland, aber auch Deutschland sehr in Beschlag nimmt, nämlich den Brexit-Verhandlungen* (<https://www.bundeskanzlerin.de/20.03.2018>).

Не менее эффективным средством эвфемизации в дискурсе А. Меркель является использование аббревиации. А. Меркель прибегает к аббревиации, когда говорит об организациях, чья деятельность вызывает неоднозначное отношение других стран. *Umso bedauerlicher war es, dass Russland jetzt im Zusammenhang mit den Vorkommnissen in Süd-Ghuta nicht dazu bereit war, dass der gemeinsame Mechanismus der OPCW aktiviert wird, sodass man die Herkunft von Chemiestoffen gemeinsam hätte nachweisen können* (<https://www.bundeskanzlerin.de/12.04.2018>).

В дискурсе А. Меркель зафиксировано применение цифровой аббревиации. Рассуждая о современном состоянии экономики Германии, А. Меркель умело манипулирует цифрой 4, соответствующей первой цифре

штрихкода Германии, которым маркируются все товары, произведенные в этой стране. Применение аббревиации позволяет не акцентировать внимание сторонних слушателей на том, что во время экономического кризиса Германия не только имеет стабильную промышленность, но и думает об улучшении экономической ситуации в стране. На фоне экономического кризиса в странах Европейского союза подобная номинация позволяет не вызывать негативную реакцию со стороны стран — партнеров по Европейскому союзу, находящихся в глубоком экономическом кризисе. *Wir wissen: Wenn wir das Wohlstandsversprechen für alle in der Zeit der Digitalisierung einlösen wollen — auch für unsere Menschen in Deutschland —, dann bedeutet das: Wir brauchen eine Soziale Marktwirtschaft 4.0, nicht nur eine Industrie 4.0* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 24.01.2018).

Канцлер Германии часто прибегает к генерализации значений в эвфемистических целях. А. Меркель использует слова и словосочетания, которые обладают более широким значением. Подобная номинация людей с ограниченными возможностями и беженцев позволяет канцлеру избегать слов, вызывающих негативные ассоциации, таких как лексемы «behinderte Person» (инвалид) и «Flüchtlinge» (беженец). Например, в своих выступлениях, посвященных спортивной тематике, развитию спорта в стране, А. Меркель не употребляет слово «инвалиды» — оно замещается «людьми с ограниченными возможностями», которые сопоставляются с «людьми без ограниченных возможностей». *Viele Sportvereine bieten Sport für Menschen mit Behinderungen an — als Breitensport oder auch als Leistungssport. In welchem Maße die Medien den Leistungssport von Menschen mit Behinderungen aufgreifen, hat viel mit der Attraktivität und Leistungsfähigkeit der jeweiligen Sportart zu tun. Das gilt aber für den Leistungssport der Menschen ohne Behinderungen genauso* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 8.03.2018). Как представляется, словосочетание «Параолимпийские игры» следует рассматривать как эвфемизм по отношению к словосочетанию «спортивные состязания для инвалидов». В современном обществе политически некорректно называть человека инвалидом, калекой, одноруким, слепым и т. д., что подтверждается соответствующими номинациями в дискурсе А. Меркель. По мнению политика, Параолимпийские игры являются положительным импульсом для оживления внутренних процессов в Германии: *Die paralympischen Spiele sind ein positiver Impuls für inklusive Prozesse in Deutschland* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 8.03.2018).

Тема беженцев, по мнению А. Меркель, продолжает быть актуальной как в целом для всей Европы, так и для Германии в частности. В своих речах политик высшего эшелона власти старается избегать употребление слова «Flüchtlinge» с закрепившимися негативными ассоциациями и использует эвфемизмы — «**Geduldete**», «**Asylbewerber**» «**Betroffene**»: *Es gab zwei weitere Aspekte, die einer schnellen Entscheidung bedürfen. Dies betrifft vor allem den ersten dieser beiden Aspekte, nämlich die Frage: Was passiert mit **Geduldeten und Asylbewerbern** mit unklarer Bleibeperspektive, die sich aber dennoch wahrscheinlich länger in Deutschland aufhalten, wie können wir hier Sprachkurse und gegebenenfalls die Möglichkeit der Berufstätigkeit so zusammenbringen, dass wir für **die Betroffenen** doch etwas erreichen?* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 1.02.2018).

Размышляя о разногласиях в решении национального вопроса, А. Меркель не употребляет номинаций «сторонники» и «противники». Прибегая к генерализации, канцлер Германии лишь намекает на сложную сложившуюся ситуацию, в которой царит «поляризирующая атмосфера», уходя от прямого конфликта: *Wir sehen, dass es **nationale Egoisten** gibt. Wir sehen, dass es **Populismus** gibt. Wir sehen, dass in vielen Staaten **eine polarisierende Atmosphäre herrscht*** (<https://www.bundestkanzlerin.de> 24.01.2018).

Поскольку в Германии публичное обсуждение зарплаты и сумм полученного вознаграждения табуированы, вследствие чего лексема «Geld» крайне редко используется в дискурсе официальных лиц страны, не вызывает удивления наличие эвфемистического словосочетания «**die finanziellen Mittel**» в дискурсе А. Меркель: *Hier geht es vor allen Dingen darum, dass wir **die finanziellen Mittel bereitstellen*** (<https://www.bundestkanzlerin.de> 01.02.2018).

Согласно проведенному анализу, в профессиональном дискурсе А. Меркель также установлены случаи употребления сравнений в эвфемистических целях. В дискурсе канцлера Германии не зафиксировано использование следующих средств эвфемизации: негативной префиксации, звуковой аналогии, редупликации, слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства, иноязычных слов, поляризации значений.

Как следует из приведенных данных, спектр средств эвфемизации профессионального дискурса Федерального канцлера Германии А. Меркель шире, чем у Президента России В. В. Путина.

Лингвоперсонологический подход к исследованию эвфемизации политического

дискурса позволил получить ранее неизвестные данные.

Несмотря на то, что А. Меркель — первая женщина в Германии, которая занимает такой высокий пост, зафиксирована феминность ее коммуникативного поведения в аспекте эвфемизации в рамках профессионального дискурса. Проведенный анализ показал, что, во-первых, коммуникативный арсенал средств эвфемизации А. Меркель вариативнее, чем у В. В. Путина — ведущего российского политика. Во-вторых, было установлено, что женщина-политик использует средства эвфемизации в своем профессиональном дискурсе, масштабнее актуализируя их функциональный потенциал.

Было выявлено и подтверждено, что Ангела Меркель — успешный и авторитетный политик не стремится соответствовать маскулинному типу политика, разрушая распространенное мнение о том, что женщины-политики вынужденно адаптируют маскулинное коммуникативное поведение для того, чтобы создать имидж успешного политика как у себя в стране, так и на политической арене мира.

Перспектива исследования заключается в установлении особенностей эвфемизации профессионального дискурса политиками России и Европы в зависимости от того, имеют ли они наследуемую или избираемую политическую власть при равных антропоцентрических параметрах.

ИСТОЧНИКИ

1. Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru>. — Текст : электронный.

2. Die Bundeskanzlerin. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de>. — Текст : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

3. Арустамян Р. Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 244—249.

4. Беседина Е. А., Буркова Т. В., Мичурин А. Н. Стратегия эвфемизации при формировании политического дискурса российского парламента в годы Первой мировой войны // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 75—84.

5. Богданова Л. И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник РУДН. Сер. «Лингвистика». 2015. № 2. С. 41—48.

V. A. Kameneva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8146-9721

L. I. Fedyanina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: russia_science@mail.ru; fedianina@inbox.ru.

6. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2006. № 1. С. 88—92.

7. Буцык Е. Д. Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе // Вестник МГИМО-университета. 2015. № 3 (42). С. 172—176.

8. Диасамидзе Л. Р. Гендерная идентичность в дискурсе политических блогов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. Т. 44. № 10. С. 58—62.

9. Диасамидзе Л. Р. Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 95—99.

10. Дудецкая А. Н. Гендерная специфика коммуникативного поведения немецких политических деятелей: на материале речевого жанра «интервью» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2009. 22 с.

11. Иванова Е. А., Корчевская М. А. Лингвистический прием эвфемии и его функции в массовых коммуникациях // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 208—213.

12. Каменева В. А. Гендерное маркирование, или Элементы политической корректности в советской прессе 1937 года // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы Междунар. науч. конф. (Кемерово, 1—3 июля 2009 г.) / под общ. ред. Л. А. Араевой. — Кемерово, 2009. С. 315—318.

13. Карандеева Л. Г., Кодюшева В. А. Гендерная специфика лексико-морфологических средств реализации речевой агрессии в немецком парламентском дискурсе // Инновации в науке. 2016. № 6 (55). С. 124—133.

14. Куницына Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты : на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2011. 22 с.

15. Куралева Т. В., Кондрашова В. Н. Самопрезентация в предвыборном дискурсе: корпусное исследование (на материале предвыборных речей Б. Сандерса и Х. Клинтон) // Научный диалог. 2018. № 4. С. 100—112. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-100-112.

16. Левонтина И. Б. Русский со словарем. — М. : Азбуковник, 2010. 368 с.

17. Рябова Т. Б. Гендерный дискурс как оружие политической борьбы // Женщина в российском обществе. 2003. № 1—2. С. 14—22.

18. Семенец А. И., Ройба Н. В. Гендерные стереотипы и политический дискурс // Студенческая наука XXI века : материалы X Междунар. студенч. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 июня 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 96—99. ISSN 2413-3825. DOI: 10.21661/r-111809.

19. Цыбина Н. А. Гендерный аспект политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). С. 145—150. (Филологические науки ; вып. 115).

20. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53—59.

21. Lakoff R. T. Language and woman's place: Text and commentaries / ed. by M. Bucholtz. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2004. P. 309.

Gender Aspect of Euphemization of Discourse of Politicians: V.V. Putin vs A. Merkel (a Linguopersonological Approach)

ABSTRACT. *The article focuses on gender specificity of professional discourse of politicians from the point of view of linguopersonology. The question of interrelation between gender and specificity of euphemization of professional discourse*

of political leaders is considered on the material of public speeches of V. V. Putin and A. Merkel. It has been found that in their speeches addressed to mass audience V. V. Putin and A. Merkel demonstrate a differentiated usage of euphemisms to complete professional communicative tasks. The article delimitates and compares socially significant spheres of euphemization of discourse of V. V. Putin (diplomatic sphere; state and military secrets; relations between various national and social groups, status of these groups; parliamentary and executive activity; ecological situation in the country; wages and salaries; provision of conditions and formation of a comfortable living environment for the citizens) and A. Merkel (diplomatic sphere; parliamentary and executive activity; economic situation in the country; economic situation in the EU and the world; relations between various national and social groups, status of these groups; terrorism; nuclear programs of North Korea and Iran and production of chemical weapons in Syria; military conflicts of previous years; wages and salaries). The study has revealed differences in the topics subject to euphemization of political discourse and the number of key sociopolitical themes of euphemization of professional discourse of a man and woman politician, due to which the discourse of A. Merkel is more euphemistic. The article argues that euphemisms in the discourse of a woman-politician actualize more functions than the means of euphemization in the political discourse of a man. Thus the study proves that the range of euphemisms in the discourse of a woman-politician is wider than the specter of euphemization means in the professional discourse of the representative of the opposite gender.

KEYWORDS: gender; political discourse; women politicians; Russian Presidents; politicians; euphemisms; functions of euphemisms; linguopersonology.

AUTHOR'S INFORMATION: Kameneva Veronika Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Fedyanina Lyubov' Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Kameneva, V. A. Gender Aspect of Euphemization of Discourse of Politicians: V.V. Putin vs A. Merkel (a Linguopersonological Approach) / V. A. Kameneva, L. I. Fedyanina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 64-72. — DOI 10.26170/pl19-06-08.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) Project № 19-012-00522 “The Problem of Legitimization in Political Discourse: Linguopersonological Aspect”.

MATERIALS

1. President of Russia : official site. URL: <http://kremlin.ru>. — Text : electronic.
2. Die Bundeskanzlerin. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de>. — Text : electronic.

REFERENCES

3. Arustamyan R. Manifestation of Gender Characteristics in Political Discourse // Political Linguistics. 2016. No. 6 (60). P. 244—249. [Proyavlenie gendernykh osobennostey v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6 (60). S. 244—249]. — (In Rus.)
4. Besedina E. A., Burkova T. V., Michurin A. N. Euphemization Strategy in the Formation of the Political Discourse of the Russian Parliament during the First World War // Issues of Cognitive Linguistics. 2019. No 2. P. 75—84. [Strategiya evfemizatsii pri formirovaniy politicheskogo diskursa rossiyskogo parlamenta v gody Pervoy mirovoy voyny // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2019. № 2. S. 75—84]. — (In Rus.)
5. Bogdanova L. I. New Words in the Aspect of the Interaction of Languages and Cultures // Bulletin of the RUDN University. Ser. “Linguistics”. 2015. No. 2. P. 41—48. [Novye slova v aspekte vzaimodeystviya yazykov i kul'tur // Vestnik RUDN. Ser. «Lingvistika». 2015. № 2. S. 41—48]. — (In Rus.)
6. Budaev E. V. Gender Specificity of Political Metaphorics // Questions of Cognitive Linguistics. — Tambov, 2006. No. 1. P. 88—92. [Gendernaya spetsifika politicheskoy metaforiki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — Tambov, 2006. № 1. S. 88—92]. — (In Rus.)
7. Butsyk E. D. Construction of Gender Identity in Political Discourse // Bulletin of MGIMO-University. 2015. No 3 (42). P. 176—172. [Konstruirovaniye gendernoy identichnosti v politicheskom diskurse // Vestnik MGIMO-universiteta. 2015. № 3 (42). S. 172—176]. — (In Rus.)
8. Diasamidze L. R. Gender Identity in the Discourse of Political Blogs // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2009. Vol. 44. No. 10. P. 58—62. [Gendernaya identichnost' v diskurse politicheskikh blogov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. T. 44. № 10. S. 58—62]. — (In Rus.)
9. Diasamidze L. R. Gender Aspect of the Implementation of Speech Strategies in Russian and American Political Blogs //

Political Linguistics. 2010. No. 1 (31). P. 95—99. [Gendernyy aspekt realizatsii rechevykh strategiy v rossiyskikh i amerikanskikh politicheskikh blogakh // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 95—99]. — (In Rus.)

10. Dudetskaya A. N. Gender Specificity of the Communicative Behavior of German Political Figures: Based on the Material of the Speech Genre “Interview” : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Volgograd, 2009. 22 p. [Gendernaya spetsifika kommunikativnogo povedeniya nemetskikh politicheskikh deyatel'ey: na materiale rechevogo zhanra «interv'yuu»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2009. 22 s.]. — (In Rus.)

11. Ivanova E. A., Korchevskaya M. A. Linguistic Reception of Euphemism and its Functions in Mass Communication // Siberian Journal of Philology. 2011. No 1. P. 208—213. [Lingvisticheskiy priem evfemii i ego funktsii v massovykh kommunikatsiyakh // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2011. № 1. S. 208—213]. — (In Rus.)

12. Kameneva V. A. Gender Marking, or Elements of Political Correctness in the Soviet Press of 1937 // Actual Problems of Modern Word Formation: Proceedings of the Intern. Scientific Conf. (Kemerovo, July 1—3, 2009) / under the chief. ed. by L. A. Araeva. — Kemerovo, 2009. P. 315—318. [Gendernoe markirovaniye, ili Elementy politicheskoy korrektnosti v sovetskoy presse 1937 goda // Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Kemerovo, 1—3 iyulya 2009 g.) / pod obshch. red. L. A. Araevoy. — Kemerovo, 2009. S. 315—318]. — (In Rus.)

13. Karandeeva L. G., Kodyusheva V. A. Gender Specificity of Lexical and Morphological Means of Realizing Speech Aggression in German Parliamentary Discourse // Innovations in Science. 2016. No. 6 (55). P. 124—133. [Gendernaya spetsifika leksiko-morfologicheskikh sredstv realizatsii rechevoy agressii v nemetskom parlamentskom diskurse // Innovatsii v nauke. 2016. № 6 (55). S. 124—133]. — (In Rus.)

14. Kunitsyna E. V. Gender Marking of Political Discourse: Linguistic and Speech Aspects: Based on the Material of Pre-Election Speech by H. Clinton and B. Obama : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Stavropol', 2011. 22 p. [Gendernaya markirovanost' politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty : na materiale predvybornykh rechey Kh. Klinton i B. Obamy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Stavropol', 2011. 22 s.]. — (In Rus.)

15. Kuraleva T. V., Kondrashova V. N. Self-presentation in Pre-election Discourse: Case Study (based on pre-election speeches by B. Sanders and H. Clinton) // *Scientific Dialogue*. 2018. No. 4. P. 100-112. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2018-4-100-112. [Samoprezentatsiya v predvybornom diskurse: korpusnoe issledovanie (na materiale predvybornykh rechey B. Sandersa i Kh. Klinton) // *Nauchnyy dialog*. 2018. № 4. S. 100—112. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-100-112]. — (In Rus.)
16. Levontina I. B. *Russian with a Dictionary*. — Moscow : Azbukovnik, 2010. 368 p. [Russkiy so slovarem. — M. : Azbukovnik, 2010. 368 s.]. — (In Rus.)
17. Ryabova T. B. Gender Discourse as a Weapon of Political Struggle // *Woman in Russian Society*. 2003. No. 1—2. P. 14—22. [Gendernyy diskurs kak oruzhie politicheskoy bor'by // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2003. № 1—2. S. 14—22]. — (In Rus.)
18. Semenets A. I., Royba N. V. Gender Stereotypes and Political Discourse // *Student Science of the XXI Century: Materials of the X Intern. student scientific-practical conf. (Cheboksary, June 30, 2016) / editorial: O. N. Shirokov [et al.]*. — Cheboksary : Interactive Plus, 2016. P. 96—99. ISSN 2413-3825. DOI: 10.21661 / r-111809. [Gendernyye stereotipy i politicheskyy diskurs // *Studencheskaya nauka XXI veka : materialy X Mezhdunar. studench. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 30 iyunya 2016 g.) / redkol.: O. N. Shirokov [i dr.]*. — Cheboksary : TsNS «Interaktiv plus», 2016. S. 96—99. ISSN 2413-3825. DOI: 10.21661/r-111809]. — (In Rus.)
19. Tsybina N. A. Gender Aspect of Political Discourse // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019. No 1 (423). P. 145—150. (Philology; issue 115). [Gendernyy aspekt politicheskogo diskursa // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 1 (423). S. 145—150. (Filologicheskie nauki ; vyp. 115)]. — (In Rus.)
20. Chudinov A. P. Discursive Characteristics of Political Communication // *Political Linguistics*. 2012. Issue. 2 (40). P. 53—59. [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. Vyp. 2 (40). S. 53—59]. — (In Rus.)
21. Lakoff R. T. *Language and woman's place: Text and commentaries / ed. by M. Bucholtz*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2004. P. 309.